

Ли Гуанбинь дал понять суть ситуации кратко и чётко: клиент состоятелен и требователен, лично выбрал Хэ Яна своим гидом, а самому Хэ Яну деньги, как назло, были нужны позарез, и если не было неотложных дел, следовало возвращаться к работе.

Хэ Ян, конечно, загорелся: десять тысяч юаней, сумма значительная, которая могла решить многие текущие проблемы, однако дать немедленное согласие он не мог: слишком многое висело в воздухе, слишком зыбким было его положение. Он пообещал другу перезвонить через пару дней, чтобы обдумать решение.

Ли Гуанбинь не стал допытываться: может, почувствовал в голосе друга что-то такое, отчего расспросы показались лишними, только велел беречь себя и положил трубку.

Лу Вэньвэнь, сидевшая неподалёку и изображавшая погружённость в экран смартфона, внимательно прислушивалась к разговору. Её насторожил тон Хэ Яна, доверительный, почти родственный, совершенно нехарактерный для общения с посторонними. Этот тон... такой тёплый, почти родной... С кем это Хэ Ян разговаривал? Она никогда прежде не слышала, чтобы он говорил с кем-либо, кроме её брата, с такой интонацией. Подозрительно.

«Подслушиваешь? Ну конечно. Ты всегда подслушиваешь. Вся ваша семья только и делает, что судачит за спиной». Хэ Ян бросил короткий взгляд на Лу Вэньвэнь и тут же отвёл глаза, сделав вид, что поправляет складку на брюках.

Было одиннадцать часов вечера, и Хэ Ян, завершив вечерние процедуры, вытер волосы и укрылся тёплым одеялом, спрятавшись под ним до самого подбородка. Ткань пахла лавандой — должно быть, служанка перестирала бельё с кондиционером, — и этот запах, простой и домашний, странным образом успокаивал. В доме стояла глубокая, почти осязаемая тишина: только где-то внизу мерно тикали старинные напольные часы, отсчитывая секунды, да за окном тихо потрескивал мороз. Широкий мягкий диван казался почти таким же уютным, как кровать.

Дверь тихо приоткрылась, и на пороге возник Лу Тинфэн. Он замер, глядя на свернувшегося калачиком Хэ Яна, и в его взгляде плескалось что-то сложное, нечитаемое. Медленно подойдя ближе, он остановился у изголовья, всматриваясь в бледное лицо, утопающее в белой подушке.

Давно он не видел мужа таким, близким, незащищённым, спящим, и лишь сейчас, приглядевшись, Лу Тинфэн заметил перемены. Хэ Ян немного поправился, перестав напоминать иссохшую веточку; его кожа посвежела, приобретя лёгкий румянец, а губы стали ярче и сочнее, словно налились соком. Белые зубы, красные губы, и в этом лице появилась какая-то новая, непривычная мягкость, придававшая ему почти женственную красоту, и Лу Тинфэн не мог оторвать от него взгляд, поражённый этой тихой трансформацией.

Проснувшись утром, Хэ Ян обнаружил, что Лу Тинфэн уже уехал на работу спозаранку. В гостиной было тихо и сумрачно: тяжёлые шторы ещё не раздвинули, и только узкая полоска бледного зимнего света пробивалась сквозь щель, рисуя на паркете дрожащую золотистую дорожку. Воздух был прохладным и пах вчерашним деревом, остывшим чаем и той особенной,

ни с чем не сравнимой утренней тишиной, которая бывает только в больших, полупустых домах. Родители также отсутствовали, а служанка Амэй сообщила, что дядя занят делами, а барышня ещё не изволили проснуться.

В огромном, гулком доме Хэ Ян опять остался один. Неторопливо позавтракав, он смотрел в окно на серое, неприветливое небо, по которому низко, словно обрывки ваты, ползли тяжёлые облака. Голые ветки старого сада скреблись о стекло, и этот сухой, деревянный звук напоминал о том, что зима ещё не отступила, что она где-то рядом, за порогом, терпеливая и равнодушная ко всему живому. Погода немного улучшилась: ветер стих, хотя холод сохранялся. Сидеть взаперти несколько дней подряд стало совсем неумоготу, и, воспользовавшись отсутствием хозяев, он решил прогуляться.

За два с лишним года в Пекине Хэ Ян так толком нигде и не побывал: город огромный, а он знал только дорогу от дома до ближайшего супермаркета да парк за углом. Раньше он и не стремился, всё ждал, что Лу Тинфэн освободится, возьмёт его с собой, а тот вечно был занят. И Хэ Ян оставался дома, поливал цветы, читал книги, готовил ужин и ждал. Всегда ждал.

Стоило ли оно того? Он не знал.

Хэ Ян попросил пожилого водителя, служившего в усадьбе, показать ему город. Тот молча кивнул и завёл двигатель.

Он побывал в Запретном городе, побродил по Великой Китайской стене, надышался воздухом Летнего дворца, а вечером зашёл в ресторанчик неподалёку, отведать местного фирменного блюда, горячего супа с бараньими рёбрышками.

Хэ Ян предложил водителю поесть вместе, но тот вежливо отказался, сказал, что перекусит в лапшичной через дорогу, а как освободится, сразу позвонит. Хэ Ян вошёл в зал, заказал себе горшок супа и несколько закусок. Зал был полон народа: Пекин, столица, сердце страны, сюда едут круглый год, и зимой туристов не меньше, чем летом. В воздухе плавал густой, пряный аромат кипящего бульона, смешанный с запахом жареного лука, чеснока и свежей кинзы. За соседним столом кто-то громко чокнулся рюмками, и этот звон, тонкий и праздничный, резанул Хэ Яна по сердцу острее ножа. После долгого дня, проведённого на ногах, забраться в тёплый ресторан, заказать горячий суп и есть его в кругу родных или друзей: что может быть лучше?

Вокруг Хэ Яна сидели парочки, семьи с детьми, шумные компании, а он, один за столиком на четверых у окна, чувствовал себя особенно одиноким. Ведь суп хорош, когда его едят вместе: когда бульон бурлит, пар валит столбом, все тянутся кто к чему, чокаются, смеются, перебивают друг друга. У Хэ Яна не было никого. Единственный родной человек лежал в больнице, прикованный к койке, и даже не знал, что он здесь.

Он положил руку на живот, пытаясь успокоить подступившую тоску.

— Малыш, — прошептал он одними губами, чувствуя, как тёплая волна подступает к горлу, —

когда ты родишься, папа больше не будет один. Мы будем приходить сюда вместе. Я закажу тебе самый вкусный суп. И нам будет хорошо. Вдвоём.

Суп в горшочке уже вовсю бурлил. Хэ Ян выловил большой кусок бараньего ребра, положил в тарелку, он впервые пробовал это блюдо и был приятно удивлён, оказалось очень вкусно. Он сфотографировал суп и выложил в соцсеть с короткой подписью: «Вкусно!»

Едва он успел отправить пост, как телефон завибрировал: звонил Чэнь Инань.

— Где ты? — спросил он без предисловий, и в его голосе слышалось искреннее любопытство, смешанное с той лёгкой, непринуждённой фамильярностью, которую Хэ Ян уже привык от него ожидать.

Хэ Ян назвал ресторан. Чэнь Инань обрадовался:

— О, я как раз рядом! И голодный, как волк. Закажи ещё чего-нибудь, я скоро буду.

Через десять минут он уже сидел напротив, отряхивая с волос тающие снежинки. От него пахло морозной свежестью, нагретой шерстью пальто и едва уловимым ароматом дорогого парфюма, а на щеках ещё горел румянец от быстрой ходьбы. Хэ Ян вдруг почувствовал, как внутри что-то отпускает — медленно, осторожно, словно разжимается туго скрученная пружина.

— Привет, невестка!

— На улице снег?

— Ага. Лень было машину гнать, пошёл пешком. И надо же, снегопад! Весь город стал белым, как в сказке. Давно такого не было.

Официант принёс приборы. Чэнь Инань, не церемонясь, обдал их кипятком и тут же запустил палочки в общее блюдо.

— Невестка, а почему ты не спрашиваешь, зачем я здесь? — поддел он.

Хэ Ян как раз наткнулся на кусочек имбиря, скривился, отодвинул его в сторону и только потом поднял глаза:

— По делу или развлекаешься?

— Ты проницателен! — рассмеялся Чэнь Инань. — Меня один начальник вызвал, переговоры

вести. А он, хитрый лис, полдня мозги компостировал и в итоге ни рыба ни мясо. Я и слился. А тут твой пост вижу, я этот ресторан знаю, не раз тут бывал, сразу понял: ты где-то рядом.

Хэ Ян поймал себя на том, что улыбается, впервые за этот долгий, пустой день.

<http://bllate.org/book/16098/1570959>